

Перов Сергей Сергеевич

аспирант кафедры истории России
Кубанского государственного университета

**ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОЧИЕ
КУБАНИ И ДОНА В 1920–1930 ГГ.
КАК «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
СООБЩЕСТВО»**

Аннотация:

Статья посвящена формам выражения эмоций в ранней истории СССР. Своеобразное положение рабочего класса создало особую социальную общность, в рамках которой пролетарии имели возможность относительно свободно выражать свои чувства. В провинции это было особенно заметно. В работе подробно описаны различные особенности эмоционального убежища в советской промышленности регионов юга России. Прослежены изменения отношения власти к выражению рабочими эмоций от терпимости до неприятия. Сделан вывод о том, что роль эмоционального убежища в советской индустрии на протяжении первых десятилетий советской власти менялась, при этом сохраняя основные черты.

Ключевые слова:

рабочие, история эмоций, эмоциональное сообщество, эмоциональное убежище, повседневная жизнь, советская индустрия, дезорганизация, нарушение дисциплины, юг РСФСР.

Perov Sergey Sergeyeovich

PhD student, Russian History Department,
Kuban State University

**INDUSTRIAL WORKERS OF
DON AND KUBAN IN 1920–1930
AS AN "EMOTIONAL
COMMUNITY"**

Summary:

The article deals with the forms of emotions expression in the early history of the USSR. The peculiar position of the working class was the reason of creation of a specific social community, in which proletarians were able to express their feelings relatively freely. It was particularly noticeable in provinces. The paper describes in detail various features of the emotional refuge in the Soviet industries in the southern region of Russia. The author discusses changes in the attitude of the authorities to the expression of workers' emotions from tolerance to rejection. It is concluded that the role of emotional refuge in the Soviet industry during the first decades of Soviet power were changing, but keeping the basic features.

Keywords:

workers, history of emotions, emotional community, emotional refuge, daily life, Soviet industry, disorganization, breach of discipline, south of the RSFSR.

Одна из основных составляющих повседневности человека – его духовный мир, состоящий из представлений, переживаний, воспоминаний, самоидентификации и особенно эмоций. В процессе постоянного чередования различных эмоций человек проживает свою жизнь. Любопытно, но при всей своей значимости история эмоций стала важной составляющей исторической науки только в XX в. Впервые обратили свое внимание на чувственную составляющую жизни людей прошлого и стали активно ее исследовать представители школы «Анналов», позднее исследования продолжились в 1970-х гг., в момент так называемого «эмоционального поворота» в гуманитарных и социальных науках. Известный медиевист и специалист по истории эмоций Барбара Розенвайн предположила, что объектом истории эмоций могут быть эмоциональные сообщества – социальные группы, разделяемые по принципу того, что «они определяли и считали ценным или вредным для них (речь идет о таких вещах, с помощью которых люди выражают эмоции)», тех «эмоций, которые они ценили, критиковали или игнорировали», «характера аффективных связей между людьми, которые они признавали», «режимов выражения эмоций, которые они использовали, поощряли, терпели и порицали» [1].

Другой крупный специалист по истории эмоций, Уильям Редди, предложил именовать эмоциональные сообщества с нетипичным «для данной эпохи выражением чувств» «эмоциональными убежищами» и обратить на них особое внимание [2]. В таких убежищах человек мог временно отдыхать или даже надолго скрываться от господствующих, предписываемых обществом норм проявления и выражения эмоций. Эмоциональные убежища на протяжении истории могли быть организациями, общественными институтами, системами горизонтальных и вертикальных связей социума или социальными группами.

Особенность довоенного советского общества заключалась в том, что относительно свободной от эмоционального принуждения социальной группой в СССР являлся рабочий класс. Это было связано со своеобразным статусом индустриального пролетариата СССР – правящего класса и самого прогрессивного слоя населения с точки зрения марксистской теории.

Советский рабочий класс имел значительные преимущества по сравнению с остальным населением страны. Рабочие были очень мобильны, имея возможность свободно менять место работы вплоть до 1940 г., намного лучше снабжались продовольствием и другими товарами,

долго сохраняли значительные по объему элементы внутренней демократии (от права на стачку до реально работавших профсоюзов), номинально осуществляли управление государством и даже имели в этом привилегии. Так, один голос рабочего при выборах в советы приравнивался к нескольким голосам крестьян. Подобно любимым детям в семье, рабочие Советского государства могли быть довольно непосредственными в выражении эмоций. Но это таило в себе определенную сложность для власти, так как индустрия стала привлекательной для разного рода антисоветских элементов.

По мнению О.Л. Лейбовича, как ментальность, так и самоидентификация в провинциальной рабочей среде за весь послереволюционный период изменились не столь уж сильно [3]. Советская промышленность, зона относительной стабильности и комфорта в быстро меняющемся обществе, стала привлекать «бывших людей», представителей весьма многочисленных и разнообразных социальных групп, подвергавшихся притеснениям в Советском государстве. Заводы и фабрики оказались теми местами, где любой человек – кулак, казак, офицер белой армии, петлюровец, троцкист, сын священника, член семьи фабриканта или осужденный за контрреволюционность – мог полноценно жить и плодотворно работать на производстве и при этом свободно выражать свои эмоции [4].

После административных преобразований 1924 г. основным регионом юга РСФСР стал Северо-Кавказский край, а наиболее промышленно развитые его территории – Дон и Кубань в 1937 г. были выделены в отдельные регионы – Ростовскую область и Краснодарский край. На этих территориях процессы формирования эмоционального убежища имели свою специфику, связанную с меньшим количеством пролетариата, антисоветским бэкграундом, специфическим географическим положением.

Н.А. Быков, описывая занятия антисоветски настроенных слоев общества в этом регионе, сообщал: «В Ростове в это время скрывалось очень много казаков, которые работали на заводе “Красный Аксай”, а позже и на заводе “Ростсельмашстрой”». Под видом «музыкальных репетиций и устройства концертов» они собирались и, «как говорили на Дону, “шушукались”, то есть шептались, изливая свои горести и обиды, и не теряли надежды, что когда-нибудь настанут хорошие денечки и на их стороне». Участники таких встреч рассказывали, как они «саботировали работу, вредили на заводах и фабриках и радовались как дети, когда им удавалось хоть чем-то насолить большевикам» [5]. Поведение на таких встречах контрастировало с категорическим неприятием вредительства на производстве, предписанным официальной идеологией [6].

Несмотря на общепринятый тезис «Труд – это подвиг» и отрицательное отношение власти к «правооппортунистическим разговорам о том, чтобы поменьше работать и побольше зарабатывать» [7], рабочие могли гласно обсуждать вопрос норм и тарифов, шумно выражать свое недовольство сложившейся практикой повышения первых и снижения последних. Заводское начальство было вынуждено не только использовать силу авторитета и действовать в приказном порядке, но и аргументировать свою позицию, ведя публичные беседы, а также апеллируя к справедливости и патриотическим чувствам сотрудников. Спецслужбы отмечали «засоренность» советской промышленности «антисоветскими, социально чуждыми и подозрительными по шпионажу и диверсии элементами» [8].

Рабочие открыто проявляли свои отрицательные эмоции. Так, шофер заготконторы в Краснодаре «ушел с работы и напился пьяный», потом вернулся и стал «буйнить», за что «не был допущен к выполнению своих обязанностей». После этого «начальник конторы посоветовался с парторгом – как, мол, быть, хороший парень, объявили ему выговор». В процессе обсуждения дела выяснилось, что шофер в прошлом несколько раз за год произвольно менял место работы [9].

Власть предписывала ряд ритуальных форм выражения эмоций при проведении общественных мероприятий. Например, общие собрания рабочих Новороссийска «клеили позором» политику премьера царской Болгарии А. Цанкова [10]. На цемзаводе «Пролетарий» 9 октября 1927 г. было устроено собрание в честь юбилея – «восьмилетия с начала зеленого движения». Там прозвучал весьма характерный лозунг: «Долой нытье перед встретившимися трудностями!» [11].

Рабочие СССР считали себя людьми, имеющими право на честный и открытый диалог с руководством. Они просили аргументированных и внятных ответов, и власть часто старалась удовлетворять их желание. Публичное выражение отрицательных эмоций не приветствовалось, но допускалось в определенных ситуациях, например на партсобраниях. Организация ВКП(б) на заводе «Судосталь» в Новороссийске 14 июня 1923 г. обсуждала вопросы, волновавшие рабочих. «Многие товарищи за углом толкуют, что ответработники ездят в командировки и каждый раз привозят то новый костюм, то обновку жене», – жаловался один из них. Коллектив предприятия выражал недовольство поведением начальника партиячейки, указывая, что «тов. Никитин заискивает перед вышестоящими товарищами для того, чтобы занять вышестоящую должность». Сам Никитин публично оправдывался перед рабочими: «Я никогда к тому не стремился и не стремлюсь».

Он эмоционально призывал своих товарищей «выявить вот все эти кривотолки сегодня». Никитин настаивал на нормализации отношений в трудовом коллективе предприятия. Он требовал, «чтобы у нас среди членов фракции ВКП(б) не было натянутых отношений и была товарищеская спайка и товарищеское отношение друг к другу». Руководство предприятия поддержало его позицию.

После этого выступил партиец Коненко: «Ходят слухи, как среди партийных, так и среди беспартийных, что стоящие во главе завода оторвались от масс, то есть забюрократились». Это обвинение звучало весьма убедительно. Коненко пытался успокоить массы, указывая на то, что «это все мелочные разговоры, ни на чем не основанные, это не что иное, как зависть». Он ссылаясь на собственный опыт, заявляя: «Когда я был в завкоме, на меня тоже были нарекания, что я как будто не защищаю интересы рабочих». Выступление в таком стиле положило конец конфликту [12].

Рабочие считали возможным публично требовать от всех органов власти надлежащего исполнения положенных обязанностей и даже использовать законы в своих интересах. Так, на совещании краснодарского партактива в 1930 г. инженер Коробейников критиковал рабочих-летунов: «Они не являются на работу по пять-шесть дней, а затем приходят на завод и требуют уволить как прогульщиков, так как есть, мол, такой закон. Товарищеские суды ни к черту не годятся. Нужно отбирать партбилеты и выгонять из профсоюзов. Не должно быть никакого нянчения с этими рабочими» [13].

С Краснодарского завода имени Седина «выгнали откровенного бракодела», но он обратился к инспектору по труду и его «восстановили через суд» [14]. С другой стороны, «незаменимых» рабочих руководство предприятий старалось защищать от увольнения или иных отрицательных последствий всеми возможными способами [15]. Станочники по своему желанию за полгода меняли пять-семь предприятий, подыскивая благоприятные условия для работы [16].

Как говорил на партсобрании один из инженеров, «с таким народом очень трудно работать». Рабочий мог жаловаться на отсутствие квартиры и просить уволить его. Администрация не имела возможности выполнить эту просьбу, так как рабочий был высококвалифицированным. После этого сотрудник завода без оглядки на указание свыше уходил [17]. Пролетариат выражал эмоции по поводу положения в народном хозяйстве страны и порой делал это весьма бурно. Так, рабочие треста «Майнефть» устроили забастовку, будучи недовольными недостаточной активностью частника – арендатора нефтяных промыслов [18].

Роль эмоционального убежища в индустрии изменялась вместе с изменением положения советского пролетариата на протяжении всего межвоенного периода. Рабочие 1920–1921 гг. могли продуцировать свои эмоции в политическую жизнь напрямую, например избирая в органы власти представителей небольшевистских партий. В течение всего нэпа рабочие имели возможность полноценно выражать свои эмоции множеством способов, например косвенно влиять на политику, «прокатывая» нелояльных им кандидатов в местные органы власти и профсоюзы. После начала индустриализации мягкое отношение к тем, кто выражал отрицательные эмоции, стало заменяться различными формами давления. В итоге к концу второго десятилетия советской власти социальная жизнь рабочих оказалась полна различных ограничений.

В 1940 г. на совещании в горкоме Краснодара партийцы уже сурово грозили рабочим: «Дезорганизация, халатное отношение к производству есть государственное преступление» [19]. Тех, кто был обвинен в дезорганизации, а также прогульщиков и прочих нарушителей дисциплины стали приговаривать к тюремному заключению [20]. Угроза применения административных мер и усиление роли администрации предприятий заставили рабочих подчиняться общепринятым в советской стране формам выражения чувств.

Эмоциональные убежища были важной составляющей социальной и эмоциональной истории. Одним из наиболее крупных эмоциональных убежищ в СССР оказалась индустрия. В ней рабочие имели возможность свободно проявлять свои чувства. На всем протяжении межвоенного периода эмоциональное убежище подвергалось давлению, и к началу войны формы выражения эмоций в советской индустрии оказались ограничены. Однако частично оно продолжало существовать и после войны, сыграв определенную роль в истории послевоенного советского общества.

Ссылки:

1. Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions [Электронный ресурс]. URL: <http://www.passionsincon-text.de/index.php?id=557> (дата обращения: 10.03.2016).
2. Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.
3. Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008. 295 с.
4. Сабодаш А. Двадцать пять лет в Советском Союзе [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/s/sabadosh_a/szabadosmemoirdoc.shtml (дата обращения: 08.04.2016).
5. Быков Н.А. Казачья трагедия. Нью-Йорк, 1959. С. 27.
6. Орлова Г. Рождение вредителя: отрицательная политическая сакрализация в стране советов (1920-е) [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/obraz-vraga/2010/24/vreditel> (дата обращения: 07.04.2016).

7. ЦДНИ КК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1439. Л. 87а.
8. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/simonov_ns/03.html (дата обращения: 13.09.2015).
9. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1432. Л. 38.
10. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.
11. ЦДНИ КК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 807. Л. 1.
12. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.
13. Там же. Л. 105.
14. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1439. Л. 38.
15. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 42. Л. 37.
16. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1439. Л. 37.
17. Там же. Л. 20.
18. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 61. Л. 116.
19. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1439. Л. 57.
20. Там же. Л. 14.

References:

1. Rosenwein, BH 2016, *Problems and Methods in the History of Emotions*, retrieved 10 March 2016, <<http://www.passionsin-context.de/index.php?id=557>>.
2. Reddy, WM 2001, *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*, Cambridge, 396 p.
3. Leibowitz, OL 2008, *In the town M. Essays on the social everyday life of the Soviet province in 40-50-ies*, Moscow, 295 p.
4. Sabodash, A 2016, *Twenty-five years in the Soviet Union*, retrieved 08 April 2016, <http://world.lib.ru/s/sabadosh_a/szabadosmemoirdoc.shtml>.
5. Bykov, NA 1959, *Cossack tragedy*, New York, 27 pp.
6. Orlova, G 2010, *The birth of the pest: negative political sanctification of the country councils (1920)*, retrieved 07 April 2016, <<http://urokiistorii.ru/obraz-vraga/2010/24/vreditel>>.
7. TSDNI CC (*Center of documentation of the modern history of the Krasnodar Territory*), f. 1072, op. 1, d. 1439, l. 87a.
8. Simonov, NS 2016, *Military-industrial complex of the USSR in 1920-1950-ies: growth, structure, organization, production and management*, retrieved 13 September 2015, <http://militera.lib.ru/research/simonov_ns/03.html>.
9. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 1432, l. 38.
10. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 42, l. 5.
11. TSDNI CC, f. 9, op. 1, d. 807, l. 1.
12. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 42, l. 2.
13. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 42, l. 105.
14. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 1439, l. 38.
15. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 42, l. 37.
16. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 1439, l. 37.
17. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 1439, l. 20.
18. GAKK (*State Archive of Krasnodar Krai*), f. r-1547, op. 1, d. 61, l. 116.
19. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 1439, l. 57.
20. TSDNI CC, f. 1072, op. 1, d. 1439, l. 14.